

Книжное обозрение. — 1992. — 5 июня (кв. 3). — С. 3.

Александр МЕНЬ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Из цикла лекций «БИБЛИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА», прочитанных в Москве осенью 1989 г. Подготовка текста Р.И.Альбетковой.

Публикуется в книге: А.Мень. КУЛЬТУРА И ДУХОВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ, которая готовится в издательстве «Искусство» (103009, Москва, Собиновский пер., 3, тел. 203-44-26).

на котором восседал Господь, подобный царю. Одежды Его простирались по всей Вселенной, все было наполнено облаками курений — это как бы миры двигались у подножия трона. И там же стояли шестикрылые серафимы — огненные существа, подобные молнии. Они закрывали свои лица, потому что никакое тварное существо не может созерцать тайну Божества.

ему ясновидение. Я убежден, что это выражение его личного глубинного опыта. Примерно в этом возрасте открытие «космического сознания» посещало многих философов, религиозных реформаторов и мистиков прошлого и настоящего. Хочется верить, что слова:

*«И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,*

*И дольной лозы
прозябанье»*

— не воображение, не фантазия, а опыт видения мира, когда с него сняты некие покровы. Когда человек начинает ощущать духовную первооснову мироздания, его тайну. Это так действует, что пророк как бы умирает: *«Как труп, в пустыне я лежал...»*

И тут вступает голос Бога:

*«Встань, пророк, и
виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца
людей».*

Не просто созерцание, восторг перед космическим единством, а некое посланничество, миссия. И Пушкин недаром в «Памятнике» говорил о своем служении.

В конце жизни Пушкин хотел написать поэму о библейской Жанне д'Арк — Юдифи. Эта книга не входит в число канонических. Написана она около 170 года до нашей эры, в пору острых конфликтов, когда ассирийский царь Антиох IV Епифан решил окончательно уничтожить библейскую веру. Это привело к восстанию во главе с Иудой Маккавеем и освобождению страны. В это время и создана Книга Юдифь — гимн несокрушимой вере. Юдифь, идя в стан врага, говорит, что она надеется только на помощь Божию.

В основе этого сказания лежит народная легенда, в истории события разворачивались иначе. Но Пушкина привлекал образ Юдифи, которая твердо стоит за веру. «Владыка ассирийский» вопрошает, в чем сила Израиля, и узнает, что сила — в вере в Бога. Поэма не была закончена.

Пушкин очень глубоко почувствовал Евангелие, которое он читал постоянно в последние годы жизни. И в статье о книге Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» он написал знаменательные слова.

Движение Пушкина от скептицизма к глубокому пониманию жизни и к вере приводило его к размышлению о Священном Писании:

«Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие». <...>

* Б.А.Васильев (1898—1976). «Духовный путь А.С.Пушкина. Этапы развития мирозерцания» (рукопись):

Памятник А.С.ПУШКИНУ в Казани. Фото В.ЧУБУКОВА.

...Александр Сергеевич Пушкин... С ранних лет божественная печать гения лежит на нем. Он воспитывался в атмосфере французской культуры — читал Вольтера, скептиков, материалистов. Эти увлечения позволили ему написать концунственную поэму «Гавриилиада», идя по стопам вольтеровской «Орлеанской девственницы». Впоследствии Пушкин видел в написании своей поэмы недостойный поступок.

Сегодня, особенно после исследования Б.А.Васильева*, мы знаем, что Пушкин прошел сложный путь развития. К тридцати годам от его вольтерьянства не осталось и следа. Хотя он продолжал быть тем же искрящимся, полным жизни, но на многие вещи научился смотреть серьезно. В это время он уже писал о Христе как о хоруэви Европы и просвещения. Вообще около 1830 года, перед женитьбой, Пушкин много и углубленно читал Библию. В «Воспоминаниях» А.О.Смирновой говорится, что он начал изучать древнееврейский язык, чтобы читать Библию в оригинале, в частности Книгу Иова.

Внутренний перелом, который произошел в Пушкине, ярче всего запечатлен в стихотворении 1826 года «Пророк». Это вольное переложение библейского текста.

Около 742 года до нашей эры в Иерусалимском храме, во дворе его, молился молодой, знатный, может, даже из царского рода, образованный, богатый человек. Его звали Исайя, сын Амоса. Вдруг в какое-то мгновение перед ним исчезло все вокруг — люди, жертвенник со столбом дыма, медные колонны, — и он увидел себя как бы на некоем космическом просторе. В центре мироздания стоял трон,

Казалось, надо было бы испытать великую радость, но Исайя сказал: горе мне, я человек грешный и живу среди грешных людей, я видел лицо Господа и должен умереть! Эту мысль — трепет перед лицом Всевышнего — Бог не отверг. Он не сказал: *«Встань, пророк, и подойди ко Мне»*. Он как бы косвенно подтвердил священный трепет Исайи. И вот от престола летит огненный серафим и несет уголь от жертвенника, горящего перед Богом. И он коснулся уст Исайи. Это преображает человека, и тогда тот может находиться перед Божиим лицом. Очищенный этим огнем, Исайя слышит слова Бога: кого Мне послать, чтобы сказать людям правду? Бог спрашивает, хотя Исайя стоит перед Ним: Тогда пророк говорит: вот я, пошли меня. И Бог вкладывает в его уста суровые, горькие слова.

У Пушкина дело происходит не в храме, а в пустыне. Мне кажется, Пушкин нередко чувствовал себя в окружающем обществе как в пустыне. Доброжелательный, открытый, живой, смелый, бесконечно умный, несмотря на свои молодые годы, он не мог не ощущать одиночества. Недаром он так переживал уход каждого из своих лицейских товарищей. Одиночество — удел многих великих дарований. И может быть, пушкинское чувство усугублялось тем, что его жизнь была не такой, какой хотелось ее видеть: *«И, с отвращением читая жизнь мою...»* Или в стихотворении «Безверие» он говорит о пагубных последствиях отсутствия веры: это тяжелое наказание и болезнь.

В пустыне шестикрылый Серафим совершает преображение поэта-пророка, подобно тому, что описано у Исайи. Пушкин изображает открывшееся